

Чэнь Сяюнь в прошлой жизни действительно всегда считал, что именно он стал причиной смерти матери, и из-за этого чувствовал себя глубоко неполноценным.

Сначала после драк он ещё пытался объясниться дома, но позже понял, что это бесполезно. У других детей были матери, которые их защищали, а у него — нет.

Дедушка с бабушкой каждый день тяжело работали, а возвращаясь домой, выслушивали жалобы. Неважно, кто был виноват на самом деле, сам факт драки считался ошибкой. Так что, виноват он или нет, его всё равно наказывали.

Чэнь Сяюнь всегда чувствовал, что дедушка с бабушкой его не любят, поэтому перестал что-либо объяснять. Каждый раз, когда его обижали на улице, он дрался, а потом взрослые приходили жаловаться, и он получал взбучку повторно.

Так все эти приятели и знали: Чэнь Сяюня можно обижать и бывать безнаказанно, любую вину можно свалить на него.

В то время Чэнь Сяюнь только и мечтал о том, чтобы скорее вырасти, уехать из этого проклятого места и никогда сюда не возвращаться.

Поэтому в прошлой жизни после окончания средней школы он сюда больше не возвращался, приехав только на похороны дедушки и бабушки.

В этой жизни Чэнь Сяюнь решил больше не жить так ущемлённо, как в прошлой. Теперь он знал, что дедушка с бабушкой на самом деле очень его любили.

Нужно исправить характер, нельзя быть таким упрямым, как раньше. Как говорится: «Дитя, которое плачет, и молока достанет».

Эх, прожил-то я на двадцать с лишним лет дольше, неужели не справлюсь с несколькими сопляками?

Поэтому в этой жизни я обязательно стану таким примерным мальчиком, что даже если натворю какой беды и расскажу, никто мне не поверит (сжимает кулак).

Двоюродный старший брат звался Чэнь Линь, он был старше Чэнь Сяюня на четыре месяца: Чэнь Линь родился в июле, а Чэнь Сяюнь — в ноябре.

Дедушка Чэнь Линя — старший брат дедушки Чэнь Сяюня, звали его Чэнь Го. Чэнь Го был первым ребёнком в семье и очень любимчиком. Он женился на двоюродной сестре со стороны матери, а затем его шурин помог им обоим уехать в город на заработки.

Они редко бывали дома, даже когда умерли родители дедушки Чэнь Сяюня, они не приехали.

Отец Чэнь Линя, Чэнь Мин, был приёмным, но его всё равно внесли в родословную книгу Чэней.

Отец Чэнь Линя работал в городе вместе со своим отцом, а дома оставались только он, его мать и младший брат. Жили они неплохо: отец присылал заработанные деньги, дед тоже помогал.

Чэнь Линь дома никогда не работал в поле, поэтому рос белым и пухлым.

В прошлой жизни он любил обижать Чэнь Сяюня.

Теперь, когда он вернулся в детство, память стала отличной, и всякий хлам из прошлой жизни вдруг отчётливо всплыл в сознании. Он помнил каждую мелкую обиду!

Чэнь Сяююнь решил не связываться с ним в этой жизни, но если тот сейчас продолжит его притеснять, то не стоит винить его за то, что взрослый будет мстить ребёнку. Посчитаем старые и новые обиды вместе.

Чэнь Линь позвал Чэнь Сяююня поиграть в небольшой рощице. Чэнь Сяююнь увидел, что несколько ребят там ползали на земле и играли в стеклянные шарики.

Чэнь Сяююнь ещё помнил имена этих ребят. Кроме двоюродного брата Чэнь Линя, там был Ван Ци, которого по родству нужно было звать дядюшкой, хотя его родителей Чэнь Сяююнь называл тётей и дядей, и был он старше всего на пять месяцев.

Ещё двое звались Ян Бинь и Хэ Кай.

Честно говоря, сейчас он совсем не хотел с ними играть, не хотел с ними пререкаться и не хотел драться.

Хотя он и вернулся в детство, но совершенно потерял интерес к детским играм.

Он не мог теперь с самозабвением стрелять стеклянными шариками, не мог бегать с ними, ломая ветки вместо ружей, не мог коллекционировать фантики от конфет, не мог рыться вместе с ними в мусорных кучах, и уж тем более не мог после того, как напишешь в грязь, месить эту грязь руками.

В прошлой жизни он так завидовал им, мечтая участвовать в этом.

Но сейчас! Правда! Просто невозможно себе представить!

Лучше уж дома почитать учебники и заодно подумать, как заработать денег.

— Чэнь Сяююнь, ты не хочешь играть? — Чэнь Линь смотрел на него, сидевшего под деревом и подпирающего щеки руками.

Казалось, он изменился. Из-за того, что тот был ещё мал, трудно было сказать, как именно, но он был не таким, как раньше. Раньше он, придя, сразу требовал игры, а сегодня просто сидел в стороне.

Чэнь Сяююнь скривился, глядя на Чэнь Линя. Он знал, о чём думает этот парень: заставить его попроситься, чтобы они играли вместе, а потом эти ребята смогут выставить условия.

Так и было в прошлой жизни. Он помнил, что его тоже звали играть, а затем, когда он присоединялся, его игнорировали, не обращали на него внимания, заставляя выпрашивать право остаться. А затем кто-нибудь говорил: «Принеси арахис из дома, тогда мы тебя возьмём».

И он, дурак, в самом деле шёл домой и воровал предназначенный для посева арахис у бабушки, чтобы отдать им, лишь бы позволили играть.

Может быть, кто-то спросит, почему посевной арахис? Разве не было обычного? В деревне принято так: арахис оставляют на семена, немного оставляют на Новый год, а остальное продают.

А потом эти ребята шли жаловаться взрослым, что Чэнь Сяююнь сегодня опять воровал

посевной арахис. Взрослые приходили жаловаться его бабушке, бабушка проверяла — и правда, арахиса не хватало, — и снова его пороли.

Так повторялось несколько раз, и репутация Чэнь Сяююня в этом месте была окончательно испорчена.

Хм-хм, хотите мне навредить? Как бы не так.

— Я хочу играть! — Чэнь Сяююнь сделал вид, что очень хочет.

Как только Чэнь Линь и остальные это услышали, они начали говорить то, что заранее договорились: «Тогда принеси нам немного арахиса, а мы тебя возьмём».

Чэнь Сяююнь сделал вид, что не хочет: «Я... я не смею, это бабушкин посевной арахис».

— Тогда не возьмём тебя играть.

— Правильно, не принесёшь — не возьмём.

— Точно!

Все поддержали хором.

Чэнь Сяююнь встал и, развернувшись, побежал из рожицы. Когда он уже почти добежал до людей, он ущипнул себя за бедро.

Ох, как больно! Затем он громко заревел, шёл и плакал.

Пройдя несколько шагов, он увид женщину, копавшую землю на поле. Подойдя ближе, он узнал Вторую бабушку Лянь.

Эта Вторая бабушка Лянь была женой двоюродного дедушки Чэнь Сяююня по линии отца. Двоюродного дедушки звали Чэнь Цюань, отец Чэнь Цюаня и отец дедушки Чэнь Сяююня были братьями, поэтому с дедушкой они были двоюродными братьями.

Имя жены Чэнь Цюаня он не помнил, с детства все звали её Вторая бабушка Лянь.

Вторая бабушка Лянь увидела, что Чэнь Сяююнь плачет, и спросила, что случилось.

Сейчас Чэнь Сяююню было всего четыре года, его репутация ещё не была испорчена, в глазах всех он был примерным мальчиком.

Чэнь Сяююнь плакал, всхлипывая, и тоненьким, детским голосом позвал:

— Вторая бабушка Лянь.

Услышав это, Вторая бабушка Лянь ахнула: у неё прямо сердце растаяло. Она бросила мотыгу, подбежала к Чэнь Сяююню, обняла его и, вытерев слёзы рукавом своей одежды, стала успокаивать:

— Что стряслось? Не плачь, хороший! Не плачь, расскажи Второй бабушке Лянь, в чём дело.

Чэнь Сяююнь, продолжая плакать, проговорил:

— Линь... брат... пришёл... поиграть... я пошёл... а он... не дал... играть, ещё... сказал... чтобы я пошёл... украл... посевной арахис у бабушки... и принёс ему поесть... тогда... возьмёт играть.

— Учитель... говорил... воровать... плохо... я не хочу быть вором, — закончил он, плача ещё громче.

Услышав это, Вторая бабушка Лянь не выдержала. Видя, что Чэнь Сяююнь плачет до икоты, она стала его успокаивать:

— Не плачь, не плачь, я пойду поговорю с его мамой. Как же так? Маленький уже, а такое вытворяет, вырастет — что с ним будет!

— Не... не надо, у него есть... мама... а у меня... нет... если пожалуешься... Линь брат... меня побьёт... — Чэнь Сяююнь плакал и разгребал землю ногой.

Вторая бабушка Лянь смотрела на Чэнь Сяююня, и ей стало невыносимо жаль его до слёз. Такой хороший ребёнок, а его так обижают только из-за того, что нет мамы.

Нет, нужно обязательно поговорить со взрослыми, нельзя так обижать ребёнка.

Вторая бабушка Лянь решила позже, наедине, поговорить с матерью Чэнь Линя.

Сначала надо успокоить Чэнь Сяююня, чтобы он перестал плакать. Она успокаивала его некоторое время, пока Чэнь Сяююнь не успокоился, а потом они немного поговорили, и он ушёл:

— Вторая бабушка Лянь, пока.

— Эх! Хорошо! Пока! — Вторая бабушка Лянь снова улыбнулась. Какой хороший ребёнок, даже уходя, умеет прощаться. Она подумала, что вечером обязательно нужно будет зайти и поговорить.

Чэнь Сяююнь отошёл на некоторое расстояние, оглянулся назад: Вторая бабушка Лянь снова копала землю. Он сжал кулачок:

— Есть! Яма выкопана, осталось только закапывать.

Чэнь Сяююнь знал, что Вторая бабушка Лянь обязательно пойдёт говорить со взрослыми. Вторая бабушка Лянь была хорошим человеком. В прошлой жизни, даже когда его репутация была совсем плохой, она относилась к нему так же, как и ко всем, звала его к ним поесть, если было что-то вкусное, и никогда его не презирала.

Вернувшись домой, Чэнь Сяююнь принёс маленькую скамеечку, взял учебник за третий класс Чэнь Чжу, сел под грушей у края двора и, греясь на солнце, читал книгу.

Солнце в октябре уже не палило, только грело.